

Р190269

Ив. Булатов.

К РАСКОЛУ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

(С кратким историческим обзором православия).

ПРИЛОЖЕНИЕ:

„Живая Церковь“ и „Церковное Возрождение“

Ив. Трегубова.

Издания Вологодского Губсоюза (Северосоюза).

ВОЛОГДА.
Типография Северосоюза.
1922.

Ив. Булатов.

К РАСКОЛУ В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

(С кратким историческим обзором православия).

ПРИЛОЖЕНИЕ:

„Живая Церковь“ и „Церковное Возрождение“

Ив. Трегубова.

Издание Вологодского Губсоюза (Северосоюза).

ВОЛГГДА.
Типография Северосоюза.
1922.

Р. Ш. (Вологда) 882.

Типография Северосоюза.

Тираж 3000 экз.

Посвящают эту книжку нашим друзьям
и коллегам по славной Томскому госу-
дарскому, гражданской и военной работе на
Севере

Николаю Ивановичу Никулину
и Ивану Никаноровичу Фомину.

П. П. Мор.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая брошюра написана мною наспех и урывками, благодаря чему мне пришлось так много оперировать в ней различными цитатами и выписками, которым, по мере возможности, я придал упрощенный и доступно-читаемый вид.

Брошюра предлагается мною *начальным тезисом* к вопросу по истории и расколу русской православной церкви, так сильно выявившемуся в последнее время, вследствие образования т. н. „Живой Церкви“.

По последним сведениям, группа „прогрессивного духовенства“ „Живая Церковь“ снова раскололась на две части.

В порядке ознакомления с этим последним (а их, надеемся, будет еще немало) расколом „Живая Церковь“, я помещаю в конце своей работы статью т. Трегубова—„Живая Церковь“ и „Церковное Возрождение“, напечатанную в центральной „Правде“ от 23/ix—22 г.

При составлении брошюры мною частично использованы следующие работы: 1)—Шишко, „Рассказы из русской истории“; 2)—Н. М. Лукин, „Церковь и Государство“; 3)—журнал „Революция и церковь“, № 1—3 за 1922 г.; 4)—Сборник антирелиг. пропаганды, изд. Калужского Губкома Р. К. П. за 1922 г.; 5)—Изв. Гом. Г. К. Р. К. П., № 29 за 1922 г.; 6)—И. В. Боговой, „Церковная революция“; 7)—Л. Д. Троцкий—Внеоктябрьская литература, „Правда“, № 210; 8)—журнал „Ж. Ц.“ № 4—5, 1922 г. и некоторые другие, случайно попавшие мне материалы.

Думаю, что читатели моей брошюры не отнесутся слишком строго ко мне в смысле полноты изображения этого чрезвычайно большого и чрезвычайно важного вопроса наших дней, о котором еще много придется говорить и устно, и письменно.

В эту работу я предполагал внести еще одну главу—*от веры к науке*,—но, в силу целого ряда не зависящих от меня обстоятельств, я не успел ее написать, в надежде, что этой главе можно будет посвятить отдельную брошюру.

Автор.

I. Постановка вопроса.

Самым популярным вопросом наших дней, несомненно, является вопрос религиозный. И когда мы пытаемся ближе подойти к этому больному месту нашего быта, перед нами невольно встает отвратительная картина открытого прислужничества, лакейского пресмыкания перед самыми жестокими людьми мира, перед самыми от'явленными эксплоататорами, каких только знает человеческая история,—картина, так ясно и отчетливо вырисовывающая церковь и духовенство с самой отрицательной людской стороны. Ужасные братоубийственные войны за раздел мира между отдельными промышленными союзами, смерть десятков миллионов людей, казни и пытки революционеров, жестокое и безчеловечное крепостное право, где нагайка жандарма свистела от сочных ударов по народному телу, и, наконец, полнейшее народное бесправие, темнота и наивная вера в земных и небесных тираннов—все это со спокойной совестью проводилось и вдохновлялось в первую голову духовенством; все это исходило из глубины церковного алтаря и именем Бога внедрялось в детски-наивные народные души. Поп стоял во главе невежества, углублял его и обожествлял, ибо это было нужно царским и буржуазным правительствам, чтобы легче и больше выжимать народные гроши, чтобы легче заставить мужика работать на барина, чтобы безболезненнее послать его на войну „за веру, царя и отчество“. Религия, заставляющая неразвитый ум подчиняться „влиянию таинственных сил“, внедряю-

щая веру в загробную жизнь, на словах запрещающая убийство, а на деле рьяно проводящая его— является продуктом безграмотности, если не считать, что источники ее мы ищем в глубине доисторических времен и народов, когда ни о какой науке не могло быть и речи; когда только начинала зарождаться человеческая речь; когда складывались впервые понятия о явлениях природы и складывались так, что под ними разумели сразу же силы высшего „страшного“ порядка, перед которыми нужно преклоняться тогда, когда они помогают, и бороться с ними, когда они противодействуют.

И, конечно, между религией древних дикарей и современными религиями существует громадная разница. Эта разница заключается прежде всего в том, что современные религии гораздо оформленнее, определеннее, „культурнее“, если хотите, чем религия дикаря. Но суть религии осталась одной и той-же; она сводится к основному принципу, на котором построено все религиозное учение, это— „верь и не рассуждай“. Другими словами— религиозное учение зиждется на слепой, бессознательной вере в таинственность, и, чтобы глубже внедрить в темные человеческие умы эту слепую веру, оно обставляется всевозможного рода культурами и монументами, и на бумаге и на дереве увековечивающими этот „опиум народный“. Моши, иконы, богослужения и всевозможные молитвы и чудеса— это только надстройка над религиозным фундаментом, облекающая грубые представления о силах природы в цвет лживой роскоши, посредством которой гораздо легче и удобнее поразить людское зрение и ввести в заблуждение ограниченный интеллект безграмотного человека.

Поэтому-то так трудно, но так необходимо направить все культурные силы на энергичную борьбу с религиозными предрассудками, так упорно задер-

живающими культурный прогресс и так отчаянно борющимися с коммунистической революцией.

Происходящий на наших глазах церковный раскол в православии есть не больше, как смена религиозной оболочки для того, чтобы укрепить самое главное—суть самой религии. А оболочку, которая, по сути дела, есть только средство, прогрессивное духовенство приспособляет к революционной действительности и приспособляет так, чтобы использовать авторитет революции для укрепления довольно таки сильно расшатавшихся религиозных устоев в народе.

Вот поэтому-то вопрос о расколе русской православной церкви мы должны и будем рассматривать исключительно под призмой наиболее удачной и строго научной борьбы за уничтожение религии вообще. Так и только так нужно реагировать на происходящие церковные события.

Православие переживает в своей истории второй раскол и все с одной и той-же целью—укрепить в народных массах религиозное сознание, хотя бы пришлось сто раз изменить свою внешнюю наружность, только-бы сохранить и укрепить самое главное.

Первый раскол был произведен в XVII-м столетии знаменитым патриархом Никоном.

Но прежде, чем говорить о нем, мы кратко остановимся на истории русского православия, с тем, чтобы глубже вникнуть в суть русского православия, в его источники, развитие и изменения.

II. Откуда появилось на Руси православие.

Православная русская церковь имеет свою особенную историю. Многие темные люди думают, что православие на Руси было всегда, что все религии мира только потому и „неправославные“, что они не

так, как русские христиане, молятся, по другому складывают пальцы и делают коленопреклонения перед иконами всевозможных чудотворцев и богородиц.

На самом деле все это обстоит далеко не так. Русское православие сравнительно молодо, и по природе своей оно далеко не русское. Как известно, христианство к нам пришло вместе с греческими купцами из Византии. Древний Киев вел торговлю с Царьградом. Киевское купечество часто ездило в Константинополь со своими товарами, и т. к. там уже достаточно широко и глубоко проникло христианство, преобразованное, как известно, с IV века по Р. Х., в государственную церковь, то естественно, что куцые славянские верования в различного рода Перунов бледнели перед роскошными греческими храмами, поражающими своей пышностью и роскошью посторонний глаз, и русские купцы постепенно принимали христианство. Конечно, не только одна внешность Византийской христианской церкви победила киевского купца,—главным-то образом, разумеется, принятие христианства ему диктовала материальная выгода от торговли. Единственным местом сбыта русского сырья в то время была почти одна Греция. И сблизиться с греческим рынком, заручиться милостью у греческого начальства для киевского купца было прямой выгодой. Многие из киевских купцов не только приняли греческую веру, но и поступили на службу к Византийским императорам. Те же из них, которые возвращались на родину, влияли в свою очередь на своих близких, вследствие чего христианство постепенно стало проникать в Россию. И вот, в X веке, когда в Киеве было уже много христиан, даже тогдашняя правительница Ольга приняла крещение. Ясно, что и Ольгу побудили к принятию православия исключительно „государственные“ соображения, т. к. взаимное общение с Грецией было для

тогдашнего Киева чрезвычайно выгодно. А затем уже в 988 г. принимает крещение и великий князь Киевский Владимир, прозванный православной церковью за это святым. Он не один принял христианство, а вместе с своей дружиной, и не попросту, а самым серьезным и „законным“ образом погружался в воду и почти палками заставлял то же проделывать и свою дружину. А что касается крещения киевлян вообще, то там, как говорят некоторые историки, целиком и нераздельно было применено насилие. Приведенные в „православный вид“ княжеские дружины, по обычаю „христианскому“, готовы были уже тогда „пасть костьми“ за великого князя, а не только загнать в Днепр несколько тысяч киевлян.

Также возмутительно и тоже государственной рукой ввели христианство в Новгороде и в других городах русского государства. Везде, где его вводили, дело не обходилось без кровавых столкновений. Первые шаги русская православная церковь совершила под знаком крови и союза с народными палачами, для которых такой мощный соратник, как церковь, являлся прямой выгодой.

Но то христианство, которое пришло в Россию из Греции, не было истинным; оно было уже казенным до мозга костей с своей иерархической организацией, со всеми прелестями бюрократизма, вплоть до назначения и смены церковных чиновников с верху.

Под церковью мы разумеем—собрание верующих. И только с этой точки зрения первые христианские общины были церковными общинаами. Они, как небо от земли, отличались от государственной бюрократической церковной организации. Там было полное внутриобщинное равенство; даже члены общины в обращениях между собою называли себя братьями и сестрами. К властям и командованию с верху они

относились вполне отрицательно, что даже отмечено и в Евангелии (от Марка, гл. 10, ст. 42—43) в таких словах: „Вы знаете, говорил он своим ученикам, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властствуют над ними; но между вами да не будет так“...

Руководители в первых христианских общинах выбирались общими собраниями, но назначались старшие блюстители порядков в общинах, которые назывались пресвитерами, или епископами, что значит по-русски „старейший“, „блюститель“.

Не было похоже и богослужение в первых христианских общинах на современное, церковное. Все оно там состояло: из чтения евангелия, пения духовных песен и совершения тайной вечери. Никаких икон, ризниц и мощей первые христиане не знали. Даже имущество у них было общее, которым ведало у них специальное лицо—дьякон, или, выражаясь попросту, служитель, управляющий.

Зародилось христианство в Палестине, в маленькой части громадной тогда Римской империи, которой принадлежали, кроме Палестины, и такие страны: Греция, Сирия, Египет и др. земли. Будучи учением ремесленников, жестоко угнетаемых наместниками Римских императоров, христианство с первого же дня своего активного существования встретило большое противодействие со стороны господствующих классов, для которых это учение было чрезвычайно невыгодно, ибо оно, помимо своего революционного характера, было прямым антигосударственным учением. Изумительно нахально лгут современные попы, когда они сознательно замазывают глаза своей пастве тем, что Христос призывал к любви и запрещал бороться с господствующими классами. Уже по одному тому, что, благодаря своей бунтарской проповеди, Христос был повешен, его учение—было учением борьбы бедней-

ших классов населения с богатыми, господствующими. Иначе Христос был бы в точно такой-же милости у римских императоров, как и наши русские попы у русских царей, и был-бы не нищим и ничего не имеющим странником, а, по примеру своих православных российских „последователей“, самым богатым и свирепым помещиком Римского государства. Но этого не случилось, и Христа распяли.

Римские власти боялись учения Христа. А оно быстро распространялось по всем Римским владениям и овладевало умами обесправленных ремесленников. С самого своего возникновения, оно было учением интернациональным, а Христос, по выражению А. В. Луначарского, был „интернациональный бедняк“.

И, несмотря на жестокие расправы Римских властителей (пытки каленым железом, сжигание на кострах и распятия, сопровождавшиеся душу-потрясающими издевательствами над обреченными), христианство возрастало в своем движении.

Притеснители увидели, что силой им с христианством не справиться, и решили войти с ним в выгодную сделку. Как бы это ни было странным, а такого рода сделка состоялась в IV веке после Р. Х. Император Константин сделал первые шаги к официальному союзу с христианством и „позволил христианам свободно исповедывать веру“, и даже „распорядился вернуть конфискованное у них имущество“. И, чтобы больше расположить к себе христиан, христианским солдатам „он разрешил иметь знамена с крестом и с буквами имени Христа“. С одной стороны, это хитрое под‘игрывание под доверие христианских общин, а с другой стороны—просто, дезорганизаторская работа в самих общинах, путем введения туда различного рода провокаторов, хорошо грамотных и умеющих влиять на притесненных и заби-

тых ремесленников, в роде бл. Августина, который писал так в поучение рабам: „Христос не для того пришел, чтобы сделать рабов свободными,—но дурных рабов сделать рабами добрыми“... Или в роде знаменитого аристократа, а впоследствии апостола Павла (Савл—его наст. имя), который положил очень много трудов (за что ему мы должны сказать признат. спасибо) к искаложению учения Христа и бросил такую крылатую, но хитрую провокаторскую фразу: „несть бо власть, еще не от Бога“. Вот, благодаря таким людям и плюс—сознательно покровительственной политике императоров; через 50 лет после смерти Константина при императоре Феодосии уже официально возник союз между церковью и государством. Прежние боги, которым веровали великие властители, пошли на смарку, и выгодная политически сделка с христианами сразу же заставила их „запретить не только публичные, но и частные жертвоприношения прежним богам, лишить жрецов всех их привилегий, отобрать в казну землю и драгоценности, принадлежавшие языческим храмам, и самые храмы распорядиться обратить в христианские церкви“... (Н. Лукин, „Церковь и государство“).

И вот, после того, как первые христианские общинны окончательно утеряли свой прежний облик и перешли на службу „к сильным мира сего“, „сущность учения Христа была забыта многими христианами, и в тогдашней христианской церкви на первое место вступили обряды и пышное богослужение“... (Шишко, „Рассказы из Русской истории“).

Власть епископов увеличилась, и система выборности их отпала сама по себе. Впоследствии они стали именовать себя патриархами и сами назначали епископов в другие города и церковные области. Вместе с усилением своей власти, церковные сановники не стеснялись увеличивать свои богатства, и,

чтобы лучше оградить их от неравнодушного взора бедноты, „они стали поддерживать светское начальство... и даже просили помохи у Римских императоров, когда надо было преследовать несогласных с ними христиан“... (Тоже из Шишко).

Изменилось ли что-либо в жестоком Римском управлении после союза „с гуманным“ христианским учением? Историки прямо говорили, что „от этого ничего не изменилось ни в их (императорской) жизни, ни в их государстве. Все осталось попрежнему, все падали на колени, и он (император) попрежнему мог казнить и посыпать в тюрьмы кого хотел“... А что же изменилось? ведь не остались же в конце концов языческие порядки в храмах? Да, да! Вот в этом действительно есть новинка, действительно, „вместо языческого храма ходили теперь—в раззолоченный христианский храм, где служили архиереи в раззолоченных одеждах, и где императорам оказывались всяческие почести“. И дальше... „*Не императоры подчинились учению Христа, а христианская церковь приспособилась к императору и ко всем старым римским порядкам*“ (Шишко. Рассказы из Русской истории).

Так христианство заключило дружественный союз с государством, так учение Христа было продано попами в угоду имперской династии, в угоду так горячо ненавидимому Христом мамоне. Римский папа и русские патриархи считали себя чуть-ли не преемниками самого Бога и так-же, как и цари, „правой и кривой“ обманывали верующий народ.

Таким образом, мы видим, что русское православие появилось из Греции и, в отличие от христианства первых веков после Р. Х., наша русская церковь была с первого дня своего существования—государственной и идущей рука об руку с царями. И это вполне понятно: цари ее водворили—цари и распоря-

жались ею. Всякое выгодное дело с расчетом делается. Так-же и образование мощной церковной организации.

Но, как и всякая организация, церковь имела свои недостатки, и недостатки чисто организационного характера, которые привели ее, при царе Алексее Михайловиче, к расколу. Мы увидим дальше, что этот (Никоновский) раскол был не чем иным, как приспособлением к постоянно изменяющемуся материальному бытию, как и происходящий на наших глазах современный церковный раскол, и нам не безынтересно будет вкратце проследить этот самый Никоновский раскол в Русской православной церкви.

III. В чем суть Никоновского раскола?

Мы видим, что Византия являлась первоисточником русского православия. Организация церковных институтов на первых порах, разумеется, находилась в руках греческих священников, которые, прежде чем начать приводить языческую Русь в „христианский вид“, оставаясь верными принципам государственной церкви, старались крепко внушить еще Владимиру, что „его власть установлена от Бога, что он—избранник Божий“... Это было нужно и выгодно не только самому духовенству, но и правительствующей клике, которая, как мы увидим ниже, во все годы своего последующего царствования, целиком опиралась на церковь, а церковь не переставала внушать, что „царь убо естеством подобен есть всем человекам, властью же подобен вышнему Богу“. Но бывали случаи, когда власть Бога, которую так рьяно и усердно внушало духовенство и царю, и его верноподанным, отступала перед властью царскою, когда для архиереев, по выражению имп. Екатерины II, „воля монарха должна быть выше законов евангельских“...

И митрополиты „всехи Руси“ были ближайшими друзьями и помощниками первых московских князей; своим святительским словом они деятельно помогали московским князьям увеличивать их „промыслы“.., расширять свои владения за счет слабых соседей; не редко одной угрозы церковным проклятием было достаточно, чтобы смирить и подчинить Москве непокорного князька со всем его уделом (владением)— говорит Н. М. Лукин в своей книжке „Церковь и Государство“. Таким образом—говорится в той же книжке— „московское духовенство само много способствовало возвеличению власти московских государей. Из его среды выходили ученые монахи, доказывавшие божественное происхождение царской власти... и охотно приводившие текст из Ефрема Сирина, где цари называются прямо богами“...

А отсюда, естественно, „ни одно сколько-нибудь важное новшество в церковной жизни не проходило иначе, как по желанию и почину самого государя“ ..

Учрежденное в 1589 году патриаршество было фактически законченной формой церковной власти, которая не переставала зависеть от власти царской и даже назначалась и сменялась ею.

„Патриархи—говорит тот-же Н. М. Лукин— пользовались огромной властью над духовенством и мирянами, но сам патриарх возводился на престол повелением государя и властью того же самодержца низводился, если становился почему-либо неугоден царю“...

Попытки со стороны церковной власти облегчить влияние самодержцев на церковь были, но они всегда кончались неудачей... („Попытка поставить „священство“ выше „царства“ кончилась неудачей и торжеством царя над патриархом“. Лукин). Были также попытки и при Никоне, о котором, как застрельщике раскола, мы и будем сейчас говорить...

Но процесса образования церковной организации при Владимире и деятельного стремления русского и греческого духовенства приобщить церковь чуть-ли не к госуд. управлению, споров между царями церковными и царями светскими было еще недостаточно для того, чтобы церковь православная встала на крепкие ноги. Самое-то главное, что должна была сделать церковь, это популяризировать себя в глазах широких верующих масс. Ведь они, в конце концов, являлись ее авторитетом; они, как сырой материал, предназначались для церковной обработки, после которой только и возможно было сделать из упрямого поклонника Перуну и русалкам отшлифованного „верноподданного“ царю батюшке и его самодержавной воле.

А с этой-то стороны у правосл. церкви как-раз было не все благополучно. В предыдущей главе мы видели, что все богослужение первых христианских общин заключалось в чтении евангелия и совершении тайной вечери. И это богослужение было понятно первым и не искушенным мамоной и властью последователям Христа. Но, после слияния христианства с государством, богослужение усложнилось, храмы языческие с их золотом и блеском превратились в храмы христианские, что было крайне выгодно римским императорам—худшим тираннам и кровопийцам на протяжении всей человеческой истории, —чтобы умиротворить бунтующих рабов, путем внедрения в них веры в царя—Бога, в „неприосновенность введенных ими порядков“... „Раб да останется рабом, верь и не рассуждай“—говорила церковь рабам... „Грабь и властвуй“—говорила она царям... И рабы верили, рабы подчинялись, рабы надеялись на мифическую загробную жизнь. И это не удивительно. Даже такой великий греческий философ, как Аристотель, даже он не верил, чтобы когда-нибудь

наступило такое время, когда не будет рабов.—Я поверю этому только тогда, когда ткацкие станки заверятся сами,—говорил он...

А в дрееной России тем более. Приведенные в „крещеную веру“ русские люди были темны и суеверны.

Блестящие золоченые алтари и таинственные знаки церковных служителей действовали на них ошеломляюще. Опыт отравления греческих рабов греческими попами „не пропал—пошел впрок“ и на ниве их русской деятельности.

Но, как и всякое нововведение, русская церковь имела свои технические недостатки. Заключались они в следующем. Все богослужебные книги русской церкви взяты целиком от греческой церкви. И так как книгопечатание у нас введено только с 1513 г., то перевод богослужебных книг с греческого на русский язык совершался рукописным способом. А переписчики их были в большинстве случаев люди малограмотные, допускавшие при переводе не мало ошибок. Еще Максим Грек в свое время указывал на большие „разноречия и неправильности в русских богослужебных книгах“.

Так описывает в своих „Рассказах из русской истории“ Л. Шишко споры о богослужебных книгах и обрядах в русской церкви:

„При введении книгопечатания возник вопрос: которые из многих различных списков надо было признать правильными и с каких списков печатать (так много их было и так разноречиво переводили они церковные книги с греческого на русский язык.. И. Б.)... Для этого митрополиты, а потом патриархи приказывали собирать по всем городам древние списки и назначали особых справщиков, чтобы сличать эти списки и исправлять ошибки (курсив мой. И. Б.) Бывший в то время в России грек, ие-

ромонах Арсений, писал о них так: „иные из этих справщиков едва азбуку умеют, а уже наверное не знают, что такое буквы согласные и гласные; а что разуметь восемь частей речи и подобное, то этою им и на ум не приходило“.

Вот в каком состоянии находились богослужебные книги после того, как церковная организация жила и благоденствовала в России многие столетия (с Владимира до Грозного и даже до Алексея Михайловича Романова). Нужно было исправлять, а исправлять некому. И вот, бедные церковные дьяки врали, кто как мог, кому как на ум взбредет, лишь бы оправдать доверие пославших их... Что же они делали дальше?

„Увидя перед собой—продолжает Шишко—множество разнородных списков и не имея нужных сведений, они (переписчики) руководились обычаем, а иногда поступали по своему усмотрению. Таким образом были напечатаны по несколько раз многие церковные книги (курсив мой. И. Б.): Потребник, Служебник, Минеи, Октоих, Шестоднев, Псалтирь, Апостол, Часослов, Триодь, Евангелие,—со множеством ошибок против греческих книг“..

Все эти старания терпеливых страстотерпцев церкви настолько перепутали и без того насквозь лживые богослужебные книги, что приехавший в Москву в 1649 г. Иерусалимский патриарх Паисий „заметил в Русской церкви разные нововведения, которых нет в греческой церкви, и особенно стал порицать двуперстное сложение при крестном знамении“... Это чрезвычайно встревожило царя Алексея Михайловича, и он „отправил троицкого келаря Арсения Суханова на Восток за сведениями. Но, пока Арсений странствовал на Востоке, Москву посетили другие греческие духовные особы (между прочим, Константинопольский патриарх Афанасий) и также

делали указания на несходство русских церковных обрядов с греческими; а на Афоне монахи даже *сожгли боюслужебные книи московской печати, как противные православному чину боюслужения* (курс. мой. И. Б.). Патриарх Иосиф был сильно озабочен этим и боялся, чтобы его не лишили сана. Но смерть избавила его от дальнейших тревог, и его место заступил патриарх Никон“...

Вот какой грандиозный переполох охватил церковные и правительственные сферы, когда они столкнулись с уже укрепившимися в церковных низах устоями богослужения и хотели, согласно указаниям наиболее сведущих „мужей церкви“, сгладить противоречия, получившиеся при неграмотном переводе богослужебных книг с греческого на русский язык. Запутались церковники, сбился с толку и сам „помазанник Божий“ Алексей Михайлович, а Афонские монахи, недолго думая, подвергли сожжению московские печатные книги.

Что же сделал в этой части вновь назначенный патриарх Никон? Он прежде всего „убедил царя созвать собор русских архимандритов, игуменов и protопопов. Всех духовных собралось 34 человека. Царь со своими боярами присутствовал на соборе. Никон произнес речь, в которой просил решения, как поступать: „следовать ли московским печатным книгам, в которых от неискусных переводчиков и переписчиков находятся разные несходства и несогласия с древними греческими и славянскими списками, а, прямее сказать,—ошибки; или же руководиться древними греческими и славянскими списками?... На этот вопрос собор ответил, что следует исправлять сообразно старым греческим книгам“... (Шишко, „Р. из Р. И.“).

Санкция на окончательное исправление получена, нужно приступить к делу. И Никон „*присступил к нему*“.

Он „оставил всех прежних справщиков и передал, как типографию, так и дело исправления книг Епифанию Славинецкому, ученому монаху из Киева, и греку Арсению. Кроме того, он снова отправил уже вернувшегося к этому времени Арсения Суханова на Афон просить греческих книг; а чтобы придать еще более верности печатному делу, он послал одного грека к Иерусалимскому патриарху Паисию с двадцатью шестью вопросами, которые касались спорных мест”...

„Арсений Суханов, не жалея издержек, достал с Афона до пятисот рукописей, из которых некоторым приписывали глубокую древность. Славинецкий и грек Арсений с помощниками ревностно трудились над исправлением богослужебных книг. От патриарха Паисия также пришел ответ. В этом ответе он говорит, между прочим, так: „не следует думать, будто православная вера развращается от того, если один говорит свое последование немного различно от другого в несущественных вещах; лишь бы только согласовался в важнейших вещах, свойственных соборной церкви”... „Не подобает ссориться рабам Господним,—прибавляет он,—а напаче в вещах неважных и несущественных”... Но относительно крестного знамения Паисий указывает на трехперстное сложение, как на древний обычай поклонения”...

Таким образом, нужные сведения и ответ от Паисия, получены... Что же дальше? А дальше вот что.

„Никон собрал снова собор, в котором, кроме русских архиереев, был Антиохийский патриарх Макарий, Сербский—Михаили митрополиты—Никейский и Молдаванский. Этот собор положил держаться решения предыдущего собора и об'явил решительную войну двуперстному сложению. Антиохийский патриарх высказался на этот счет очень сурово: „кто из христиан православных не творит знамения креста тремя

перстами, тот еретик, а такового мы считаем отлученным от церкви и проклятым". А Никейский митрополит прибавил: „на том, кто не крестится тремя перстами, будет проклятие трехсот восьмидесяти свят. отец, собиравшихся в Никее и прочих соборах".

Такое суровое решение собора, достаточно необдуманное и несогласованное с глубоко вкоренившимся в церковных низах привычкой креститься не тремя, а двумя перстами, „послужило первым сигналом к расколу" ... Будучи человеком „непросвещенного ума", Никон, как и его противники, больше верили „в букву священного писания", чем в суть его, которая, кстати будь сказано, „для тех и других оставалось одинаково непонятной" ... И, „кроме спора о перстном сложении, поднялись еще толки о сугубом и треугубом аллилуйя и о том, надо ли писать *Иисус*, согласно греческим книгам, или *Исус*, как писали и печатали на славянском языке" ...

Докатившиеся до мест споры об исправлении богослужебных книг усиливались еще больше и потому, что наживший в связи с ними не мало врагов себе Никон с поразительной жестокостью производил расправы с инакомыслящими. — Для него ничего не стоило — говорит в своих рассказах из Р. И. Л. Шишко — священника за небрежность в исполнении обязанностей посадить на цепь, мучить в тюрьме и сослать куда-нибудь на нищенскую жизнь; „священники не могли явиться к нему без трепета" ...

Недовольство среди отставленных властью Никона продолжалось углубляться вместе со все усилившимися репрессиями Никона. Из самых горячих противников Никона, протопопы Иван Неронов и Аввакум и епископ коломенский Павел были властью патриарха уволены от церковной службы. „Павел Коломенский был лишен сана и сослан; Неронов был отправлен в заточение в Вологодский монастырь;

Аввакум был сослан в далекую Даурию с женой и семьею... Не поздоровилось и многим другим противникам от жестокого Никона.

Но, „несмотря на то, что, вследствие ссоры с царем, Никон в 1666 году был низложен, раскол и репрессии продолжались и продолжались со все-усиливающимся темпом. Например, Соловецкий монастырь „весь отказался принять исправленные книги и признать постановление собора“... Монахи кричали: „не хотим знать трехперстного сложения, имени Иисуса и трегубого аллилуйя; хотим оставаться в старой вере и умирать за нее“. И когда в Соловки был прислан из Москвы архимандрит, соловецкие монахи прогнали его, что окончательно нарушило „долготерпение царя батюшки“, который „послал на них войско“... Таким способом монастырь был взят, а „архимандрит Никанор и его главные соумышленники схвачены и казнены; многих монахов сослали в Пустозерск и Колу“.

Но борьба продолжалась. Пытки и казни стали будничным явлением в установлении новых церковных правил. Самодержавие оказалось на высоте своего положения и правильно оценило союз с церковью, ради которого так зверски—жестоко расправлялось оно со всеми противниками церковных „реформ“, так беспощадно вешало и издевалось над старообрядцами.

Итак... Чем же характерен для нас раскол русской православной церкви при царе Алексее Михайловиче? Да прежде всего тем, что он преследовал—укрепление церковной организации, ее внутреннее совершенство, ее прочность для наиболее активной поддержки ее панибрата—русского самодержавия, путем организованного и усложненного затемнения трудовых масс. И, разумеется, весь сыр-бор разгорелся совсем не потому, что одни переводчики бого-

служебных книг наврали, а другие исправили... Здесь кроются более глубокие причины, главные из которых сводятся, несомненно, к „упрощенному усложнению“ церковной организации, вызванному прямыми интересами царской власти... Дальше мы увидим, почему царскому правительству было выгодно иметь сильную церковную организацию, и почему „князьям церкви“ было также выгодно итти рука об руку с самодержавием против трудающихся масс.

IV. Рука об руку с самодержавием.

До вступления на престол Петра Великого, православная церковь имела большую внутреннюю самостоятельность, хотя по существу и оставалась простым придатком царской власти. И церковь, владея громадными имуществами, до указов Петра Вел., ограничившего ее власть над многочисленными достояниями, в роде таких, наиболее доходных и выгодных из них, как: соляные варницы, мельницы, рыбные ловли и промыслы, лесные станы и таможни, которые были „отобраны от их церковных владельцев и обращены в собственность государства“, оказывала царям в трудные для них минуты помочь по велению своего церковного начальства. В таких случайных благодеяниях особенно отличалась Троице-Сергиева лавра, да не отставали и другие церковные институты, которые „в эти трудные минуты признавали обязанность служить интересам правящих классов“... Попытки ограничить права церкви на владение землями и селами были в XVI веке, когда т. н. монахи нестяжатели с Нилом Сорским во главе спорили с Иосифом Волоцким о праве монастырей и монахов владеть селами“... (І. Янов, журн. „Рев. и Церк.“ № 1 --3).

„Воспользовавшись этим,— пишет И. Янов— царь Иван III сделал попытку секуляризации*) на соборе 1503 г. Благодаря отчаянной оппозиции иосифлян, защищавших помещичьи права церкви, попытка эта не увенчалась успехом“. Но впоследствии, уже „с благословения митр. Симона, Иван III отобрал земли и угодья у Новгородского духовенства“.

То же делал и сын Ивана III, Василий Иванович, понуждаемый, очевидно, одними и теми-же причинами к подобного рода „крайностям“, а именно—нищенским состоянием государства. Но политика ограничения церковных и монастырских имущественных прав шла у русских царей рядом с политикой обогащения их... „Отбирая у одних монастырей земли *за нерадивость* (курсив мой. И. Б.), те же цари сами щедро раздают их другим монастырям; однако, самая идея о принадлежности церковного имущества распоряжению царя развивается“, но „дело идет столь успешно, что, отходя в вечность, Иосиф Волоцкой сделал Василия Ивановича душеприказчиком основанного им Волоколамского монастыря“... (тоже, И. Янов). А еще позднее, „под влиянием проникавшего в русское общество воззрения на государство, как патримониальную вотчину царя, а в связи с этим на принадлежащее царю право собственности на землю, совершается издание амортизационных законов, запрещавших завещание и всякую передачу земли монастырям и церквам без согласия царя“...*) Словом, шаг за шагом права церкви и монастырей на право владения колоссальными своими имуществами и вотчинами ограничивались. Слушайте дальше! Такого рода законы были (очевидно, церковью же? И. Б.)

*) Секуляризация—совершаемое в виде общей меры на пространстве всего государства, путем издания госуд. закона, изъятие имений из собственности духовных владельцев и обращение их в собств. государства.

*) И. Янов пишет это на основании „Источ.“... Павлова. И. Б.

нарушены в период малолетства Ивана IV, и „Столглый собор санкционировал прежнюю практику“, но „Иван IV издал реституционные законы о возврате всех, полученных незаконно монастырями земель их собственникам. Правило это было подтверждено и собором 1580 г.“...

В чем же выражались эти самые царские законы по отношению к церкви?... Их суть (приказы Большого дворца, а затем 1649 приказы монастырские. Из И. Янова) „заключалась в том, чтобы собираемую с церковных земель сумму доходов, за удовлетворением церковных потребностей, тратить на государственные нужды“... И уже при Петре Великом „архиерейская и монастырская власть была совершенно отстранена от дел“... И, больше того, „именным указом Петра I предписывалось: „посельским старцам на посельстве не быть“... (И. Янова, из Горчакова, Зем. Вл.). И, наконец, 17 августа 1720 г. перестает существовать, „монастырский приказ“... Петр I так и подписал: „монастырскому приказу не быть“... И все „находящиеся в производстве монастырского „казенного патриаршего“ приказа большие казны-дела распределить между Камер-Коллегией, Штат-контр-Коллегией и Юстиц-Коллегией по их компетенции“... (Тоже из Горчакова).

И вполне понятно, что такая политика Петра неблагодарно отражалась на церковной казне, которая „пришла в великую скудность и пустоту“, на что церковь начала реагировать. Так, например, „новая Коллегия—Синод**) обратилась к Петру I с верноподданическим запросом в первом своем заседании: „патриаршие, архиерейские и монастырские вотчины, со сборами и правлением, которые ведомы были в Монастырском приказе, в одной духовной

**) Синодальное Управление церковью взамен патриаршества введено Петром I. И. Б.

коллегии (синод) ведать-ли? того ради, что оные от гражданских управлений пришли в скудность и пустоту, и Духовная коллегия присягою обязалась, как в верности, так *во искации интереса царскою величества против прочих коллеий не меньше*,— в Регламенте духовном положено, что такое правление подлежать будет до Духовной коллегии?... Петр I на этом запросе наложил резолюцию такого содержания: „быть по сему“. (По Янову из П. С. П.-т. I, № 3; 14/11 1721 года)... И, благодаря этой уступке Петра, с 1721 г. опять был восстановлен „монастырский приказ, но уже в качестве подчиненного Синоду учреждения“... В 1724 г. этот приказ снова был преобразован, уже в камер-контору, с подчинением Синоду, и в 1727 г., при Екатерине I, „с разделением Синода на два *апартамента* повелено было „быть суду и расправе, также смотрению сборов и экономии во втором апартаменте“, который по своему составу, „по примеру прежде бывшего патриаршего разряду и других тогда бывших в патриаршем ведомстве приказов“, должен быть из „светских“ (П. С. З. № 4919, по Янову).

Подобные перемены в церковном управлении, знаменующие собою трения между двумя властелинами одного и того-же народа—между церковью и царями, происходили и в последующие царствования, и их было так много, что перечисление их заняло бы в нашей скромной брошюре слишком много времени. Приведенного здесь уже вполне достаточно для того, чтобы отметить теневые стороны в отношениях между светскими и духовными властелинами, в изумительной аналогии между ними в отношении грабежа труд. масс. А грабили они оба чрезвычайно усердно. Особенно отличалась в этом грабеже церковь, так быстро и удачно опередившая даже таких проф. грабителей, как наши русские цари, что и побудило последних

на неприятные для их церковных собутыльников, меры с ограничением имущественных прав церкви и монастырей. Но „милые дерутся—только тешатся“... Грабят-то они всех вместе и голодные, слава Богу, не сидят. Это видно из следующих сведений, в точности и достоверности которых вряд ли можно сомневаться. По разным историческим данным, „точное количество управляемых ими (монастырями и церковью) дворов не поддается учету и колеблется между 141.160—153.254 двора в царствование Петра (Горчаков, 275—278). По табели, представленной Екатерине II в 1762 г., за всеми монастырями и арх. домами значилось 876.736 душ. По Келлину, число подвластного монастырям и церквам населения равнялось $\frac{2}{3}$ всего народонаселения. Свидетельство это не лишено некоторой вероятности, так как, в 1722 г., сам монастырский приказ находил, что в его ведении $\frac{1}{5}$ всего крестьянства в государстве (Горчаков, стр. 146—179). Какое количество земли находилось в руках церкви и монастырей—неизвестно: по свидетельству иностранцев, церковные и монастырские земли составляли в XVI в. $\frac{1}{3}$ территории, а в XVII в. даже почти $\frac{2}{3}$ (Горчаков, Мон. пр. 21). В момент секуляризации, в связи с ростом территории государственной, они образовали $\frac{1}{10}$ часть, десятину, всей территории, что высшими иерархами ставилось в связи с заповеданной самим Богом десятиной... Доход с этих земель выражается в следующих цифрах: — В 1742—1727 г.г. поступало дохода ежегодно 70—75 тыс. рублей и, кроме того, хлебом 5—6 тыс. чв. (Верховский, Населенн. имения, стр. 200—205)... с течением времени номинальный доход возрастал, и в год секуляризации, в 1764 г., достигал 200 тыс. руб. (Верховск., 2041)... Но, говорит дальше Янов, „принимая во внимание стоимость валюты того времени и колебание русского рубля, мы должны признать, что,

посягая на монастырское достояние, государство приобретало весьма много. По Ключевскому, русский рубль в XVI—XVII в.в. в отношении к настоящему, т.-е. золотому до-Виттевскому рублю стоил:

Стоит не меньше.

Рубль	—	1500 г.	100	руб. зол.
1501—1550 г.	63—83	"	"	
1551—1600 г.	60—74	"	"	
1601—1612 г.	12	"	"	
1613—1636 г.	14	"	"	
1651—1700 г.	17	"	"	
1701—1725 г.	9	"	"	
1733—1740 г.	10	"	"	
1741—1750 г.	9	"	"	(Из И. Янова).

Переведите 200 тыс. рублей по стоимости рубля 1750 г., и вы получите: $200.000 \times 9 = 1.800.000$ рублей золотом. Как видите, доходец не из скучных! Прибавьте сюда упомянутые 5—6 тыс. пуд. хлеба, не забудьте и таких „мелочей“, как плата за различного рода требы, всевозможные праздничные подаяния, жертвы и т.д., и вы получите такой капиталец, с которым вряд-ли могли конкурировать в то время русские цари. Но и незачем было конкурировать. Ворон ворону глаз не выклонет... А ведь и духовенство стояло не в последних рядах „корпорации воров и разбойников“ российского государства.

Как же действовали указы Петра Великого на церковную казну?

Вернемся снова к И. Янову. Читаем: 1) Указом Петра от 1706 года было предписано отнести на счет монастырского приказа содержание московского госпиталя с главным доктором Н. Бидло. По окладу 1710 г. на содержание личного состава и медикаменты положено в год 4.487 р. (Горчаков, стр. 191—192) и 1318 четв. хлеба. Позднее эта сумма была

увеличена до 7419 руб. Кроме того, Синодом во время его управления церковным имуществом и было употреблено в 1723 г. на постройку зданий 23.301 р., а в 1728 г. еще 7871 р. и в 1737 г. на капитальный ремонт после пожара еще 11.151 руб. и т. д. "... И дальше мы видим, что целый ряд расходов на содержание богаделен и даже учебных заведений был Петром Вел. отнесен на церковные средства. И церковь молчала. Церковь отнеслась к этому вполне благосклонно, отнюдь не видя в этом „дьявольского нашествия большевиков“... А в сущности, не все-ли равно, кто расходовал народные деньги: царь или церковь? Оба грабили и часть награбленного расходовали, чтобы удержать свою власть над темным и невежественным населением, чтобы мизерными подачками на богадельни ими же изуродованных людей, на просвещение—затемнять верноподданных, показать, как они, по евангелию, из двух рубашек одну отдают неимущему. На деле-же получалось так, что и их собственные-то рубахи были насилиу стянуты с этого самого „верноподданного“ неимущего..."

Но эта самая „вторая рубаха“ предназначалась не только на богадельни и академии. Больше всего церковных доходов шло на войны. Сами попы, по царскому повелению, производили закупку лошадей для разных кавалерийских частей, заготовляли фураж для них, а церковь в целом производила сбор „драгунам на жалованье“... И, благодаря вот этих всевозможных расходов на государственные нужды, за церковью в царствование Петра I и Анны Иоанновны числилось много недоимок, относительно которых и Петр и Анна издавали весьма сердитые указы. Дело доходило до того, что, „борясь против недоимок, Петр прибегал к самым решительным мерам. В 1723 году он распорядился удержать жалованье членам Синода, подчиненным ему лицам и монастырям“... (П. С. З. 4152, ссылка Янова).

А вот Анна Иоановна так еще суровее поступала, прямо таки по-большевицки. От Сената в 1732 г. последовал еще более строгий на этот счет указ, коим предписывалось губернаторам и воеводам сбирать „недоимку на приказных архиерейских домов и стряпчих, и управителей монастырей без послабления и держать их под караулом“...

Но Бог долготерпелив и многомилостив. По отношению к „царю батюшке“ попы были всегда достойными представителями многомилостивого неба, которое, по древней традиции, любит морщиться только на „верноподданных“.

Были, разумеется, и недовольные среди духовенства политикой Петра I, но таких было немного, и по отношению к таким принимались „соответственные меры“...

Подавляющее же большинство церковных сановников не было против абсолютного подчинения самодержавной власти. Наоборот, князья церкви, после Петра I еще усерднее помогали царям и отнюдь не возражали даже против сумасшедшего Павла I, который именовал себя „главою церкви“, и вполне согласились с развратной Екатериной II, которая внушила им свое знаменитое правило, что „воля монарха должна быть выше (для духовенства. И. Б.) законов евангельских“... Попы, согласно царского указа 1716 года, повторяемого в дальнейшем неоднократно, должны были „неукоснительно доносить губернаторам обо всем том противоправительственном, что будет открыто на исповеди“... (Н. И. Лукин. Ц. и Г.). Система доноса, узнанного на исповеди, практиковалась и в войсках, где полковые священники имели на сей счет специальные „секретные указания“. При помощи православного духовенства царское правительство могло великолепно (и уж куда лучше светской охранки и жандармских управлений!)

следить за мыслями и действиями своих верноподданных"... Вряд-ли произведена была хоть одна казнь, хоть одно варварское издевательство из миллионов производимых, где православный священник не стоял-бы со своим крестом и не благословлял-бы плача на „святой долг перед Богом и царем“... Бесчисленные убийства революционеров, кошмарные ужасы жандармских застенков, преступнейшие войны во имя интересов буржуазии и помещиков,—все это благословлялось церковью. Православное духовенство всегда отличалось прислужничеством и угодничеством перед властями. При Николае I известный митрополит Филарет оправдывал ссылками на священное писание крепостное право, и он же составлял потом манифест об освобождении крестьян для Александра II“... (Лукин).

Не говоря уже о том, что вся история русского правосудия полна горячей кровью измученного (в тисках благословляемого духовенством царско-дворянского правительства) трудового народа; несмотря на то, что между церковью и угнетенными никогда ничего общего не было,—годы, предшествующие великим социальным встряскам 1917—18 г.г. встретили в лице русского духовенства самую отягленную, самую подлую контр-революционную гидру, которая в „пятом“ году, когда пришел, казалось, конец самодержавным порядкам, когда обнищавшее, изголодавшееся крестьянство потребовало отобрания земель у дворян и монастырей для наделения маломощных хлебопашцев, стала, вместе с помещиками, в ряды самых злейших контр-революционеров. Антоний Волынский, еп. Евлогий, протоиерей Восторгов сделались деятельными организаторами черной сотни, Союза русского народа, призывали с амвонов к борьбе с революцией, к погромам евреев и интеллигенции. Никто иной, как „Святейший

Синод", пустил гнусную клевету, будто русские рабочие идут против царизма потому, что они-де подкуплены японцами" ... (Лукин)

Рядом с грубым пресмыкателством перед преступными правительствующими кликами, в угоду им и их позорному рабскому строю, церковь ввела другого рода дьявольскую работу, встав во главе народного просвещения, где через своих чернорясных агентов она исполняла двойную роль: 1—охранника от „крамолы“ учителя и 2—сознательного затемнителя детских голов сказками о сотворении мира и о почитании царской власти.

Вечно фарисействующая, она, наподобие хамеона, меняла свое одеяние, приспосабливаясь к контрастным эпохам русской исторической действительности. То она благословляет крепостное право,—право, запарывающее на смерть крестьянина; то она молится за освободителя царя, давшего „волю многострадальному народу нашему“... И всегда она оставалась верной проводницей того союза—„плети и креста“, который заключили еще римские патриции с обессилевшими христианскими общинами.

И цари не забывали своих духовных помощников. Они платили им за их верную службу большие деньги. В следующих главах мы увидим последние данные о богатствах церкви и о жизни святейших изуверов, которые должны поразить каждого, когда-то веровавшего в святость поповской „духовной пищи“, которую с таким глубоким презрением выплюнули они в мусорную яму истории...

Рука об руку шла православная церковь со всеми тираннами русской истории и также дружно, вместе с ними, встретилась она с великой социальной революцией трудящихся классов против своих угнетателей.

V. Февральская революция и церковь.

Но, несмотря на то, что православная церковь, совместно с русскими царями, грабила народ и на протяжении всей своей истории выступала, как самая контр-революционная общественная сила, всегда поддерживаемая самодержавной властью; несмотря на то, что богатства церкви трудно поддаются учету по своим грандиозным размерам; несмотря на все это, князья церкви не всегда были довольны политикой самодержавия, вмешивавшегося в церковную жизнь. Но в то же время они стояли *безусловно* за союз с правительством царя и помещиков, т. к. только этот союз вполне отвечал их заветным стремлениям—*обоиащащаться* за счет обманутых и духовно (ими же) забитых трудящихся масс. Мы уже указывали, что и царям такой союз был тоже и *безусловно* выгоден. Чтобы править и господствовать, чтобы пить, проще говоря, народную кровь,—нужно было смирить и подчинить не всегда и не везде „верноподданных“ своих. А царской палки и урядника для этой „благородной“ миссии далеко не хватало. И здесь церковь была незаменима. Видели это цари хорошо,—понимала это отлично и сама церковь. Но тот и другой властелин над одним и тем-же угнетенным народом хотели быть вполне самостоятельными хозяевами. Даже психически ненормальный Павел I, как мы выше видели, об'являл себя отцом церкви“... Недаром же сама церковь немного было не превратила этого самодержавного дурака в очередные моши, по примеру своих прадедов, которые из языческого князя Владимира в два счета сделали „Владимира Святого“, а другим царям неустанно внушали, что они являются несомненно „помазанниками Божими“... Но это „внушение“, очевидно, перешло границы, и „пома-

занник Божий“ Петр I „властию, данною ему от Бога“, разом уничтожил патриаршество, как самостоятельную форму церковного управления и, образовав „Святейший Синод“, просто взял да и сделал церковь одним из своих царских департаментов. Уничтожение „монастырского приказа“, назначение князей церкви по царскому повелению, издание секуляризации, в ряде царских указов, заживо задевавшей церковный карман,—все это не особенно нравилось церкви. Но она из двух зол выбирала меньшее и отношений с царями, разумеется, осложнять избегала. Да и поздно это было... Уж, если дело доходило до того, что „помазанница Божия“ Екатерина II считала вслух, что для архиереев „воля монарха—должна быть выше законов евангельских“, то поздно было—да и не нужно было—возвращаться к обратным принципам. Так и помирилась было церковь с утерей своей самостоятельности, так и забыла она пресловутое самодержавное патриаршество.—Благо, это нисколько не мешало ее основной „христианской миссии“—*стричь и брить* покорную и благопослушную паству.

Но вот разразилась Февральская революция 1917 г. Несмотря на деятельную поддержку церкви, ставшей во главе ею же созданных черносотенных „Союзов русского народа“, и даже Госуд. Думы—этого органа шарлатанов и болтунов, преступная империалистическая война, в конец обнищавшая и обезкровившая страну, нарушила общественное равновесие и растрявила вековые раны угнетенного народа; в результате вспыхнувшей революции—царская династия пала. А вместе с ней один за другим полетели в тартарары и царские законы. Народ попрал их так же решительно и беззаботно, как и молился, будучи ослепленным им на протяжении столетий.

Институт самодержавной власти пал, остался нетронутым церковный институт.

Спрашивается: как-же отнеслась русская православная церковь к происходящим событиям?

Вот здесь-то и сказалась полностью вся ее „христианская“ сущность! Вот здесь-то и открылись все ее черные стороны, все тщеславие и подхалимство.

Она увидела, что на возврат монархии „пока“ надежды нет. Народ не хочет монархии. Народ требует республики. Народ потерял веру в царя...

И церковь начинает искать новых друзей... Она великолепно знала, что Гучков и Милюков не против церкви. Наоборот, буржуазия, никогда не верившая ни в богов, ни в чертей, все же считала, что для „народа Бог нужен, народ без Бога опасен“... Вместе с Вольтером она говорила, что „если бы Бога не было, то его нужно было-бы выдумать“... А народ начинал думать как-раз обратно. Устами своих лучших людей он громко заявлял: „Если Бог и есть, то его нужно уничтожить“...

Народ, потерявший царя и Бога—опасен буржуазии. И в лице церкви она находит лучшего друга, который сумеет „законопатить безбожные отдушины“ в народной голове. А то, что царя будет заменять республика—не все-ли равно, благо эта республика не ослабляет, а закрепляет царские порядки.

Быстро обдумали свое сиротливое положение князья церкви и наконец решили: „здравницу за Николая и его благоверное семейство“ заменить здравницей временному правительству и благоверной русской буржуазии!

Да и на самом деле, что тут особенного? Царя нет, а порядки-то остались царские. Земли у помещиков, фабрики у фабрикантов, богатства церкви незатронуты, война не прекращается, а усиливается... Ничего буквально не изменилось, все осталось по-прежнему. Даже школа осталась в руках церкви, и духовенство попрежнему оплачивалось „благоверным временным правительством“...

И церковь подает руку временному правительству. Правда, низы церкви были немало-таки шокированы свержением „царя—батюшки“ и даже после свержения самодержавия не переставали внушать „верноподданным“ веру в возвращение царя, но это ведь нисколько не мешало произносить с амвона здравницу „нашему благоверному правительству“, которое далеко не прочь было преподнести нам монархию вместо республики, ограничив ее конституцией, в силу „некультурности русской“, не успевшей дорasti до „европейского уровня“.

Временное правительство принимает эту руку, и бракосочетание между церковью и немонархическим правительством состоялось.

Условия этой сделки весьма несложны. Церковь остается при прежних богатствах (правах и так ск. „чинах и орденах“), а временное буржуазно-помещичье правительство гарантирует эту свободу вплоть до учреждения пресловутого патриаршества... А об обязанностях и упоминать не надо. Они точно те-же, что и при царе. Помещики с буржуями правят и грабят, а церковь „обрабатывает ограбленных“, примиря их с жестокой действительностью, разумеется, по павловскому правилу: „несть бо власть, аще не от Бога“.

Все вопросы, связанные с перестройкой своих рядов, церковники разрешали на специально собранном соборе.

Вот как говорит об этом соборе Н. М. Лукин („Церковь и Государство“): „Они созвали церковный собор, якобы, представляющий все православное население России, а в действительности почти сплошь состоящий из тех же архиереев, попов, бывших богатейших помещиков, капиталистов и буржуазной интеллигенции. В самом деле, присмотритесь, кто вершит дела на соборе: бывшие помещики—Самарин,

Родзянко, князь Трубецкой, граф Олсуфьев, кадет Астров и т. п. Собор снова восстановил патриаршую власть,—пусть хоть в церкви будет монарх, если уже нельзя восстановить его в государстве”...

Что-же решил собор? Раны, нанесенные монархической самостоятельности церкви еще Петром Великим, открылись и...

„Собор решил добиваться полной свободы православной церкви от всякого вмешательства со стороны государства, но он решительно высказался *против отделения церкви от государства*: ведь, в таком случае, православному духовенству приходится проститься со многими привилегиями и прежде всего с получением жалованья от казны”... (Лукин).

Но этого мало. Священный собор все-же жалуется, что теперь уже „не те времена“, когда можно было ждать от мужика добровольной помощи и жертвы. Мужик „забыл Бога“, ну, разумеется, эта его „забывчивость“ сразу-же крепко хлестнула по карману православной церкви.

Кроме водворения патриаршего управления...— священный собор обращается ко всем гражданам с посланием, в котором упрекает людей, забывших Бога и направивших пушки и ружья на величайшую святыню России—священный Московский кремль *), и скорбит, что это все совершается руками того воинства, которое мы молитвенно чтим именованием христолюбивого, которое еще недавно являло подвиги храбрости, смирения, благочестия. И больше: послание об‘являет это, как кару Божию, испытание русскому народу. Но при этом старается застраховаться от возможности потерять связь с государством и властью, и спешит внушить массам, что новая государственная власть должна быть тесно связана с

*) Эти события относятся, очевидно, к предоктябрьским боям. И. Б.

религией, а потому дальше послание говорит: „но не может никакое земное царство держаться на безбожии, оно гибнет от внутренней распри и партийных раздоров, от всего этого будущего безбожия“... И в окончании своего послания, выработанного в лаборатории Тихона, рекомендуется покаяться, оставить безумную и нечестивую мечту лжеучителей“ и т. д.. (М. Образцов—Ц. Р., Сб. антирел. проп. Калужского Г. К. Р. К. П.).

Итак, мы видим, что февральская революция, как революция буржуазная, заключила тесный союз с православной церковью, а последняя в лице нового российского правительства нашла *новою монарха*, со всеми качествами прежних царей и их контрреволюционной политикой по отношению к трудовому народу.

Больше всего церковь боялась отделения от государевой власти, и эту боязнь ее правительство быстро рассеяло, вполне санкционировав не только тесный идейный и материальный союз с церковью, но и предоставив ей самостоятельное (патриаршее) управление.

Попрежнему попы продолжали „стричь и брить“ русский народ, попрежнему вколачивали они в школах веру в несуществующего Бога и его власть над людьми, попрежнему молились они за правительство и с пафосом произносили ему „многие лета“...

И только Октябрьская революция смогла прекратить это издевательство и оградить действительно трудовой народ от бессовестного посягательства церковных и светских изуверов.

Первым актом Октябрьской революции—был акт полнейшего духовного освобождения трудящихся от идеологического затемнения и богоискательской проповеди православной церкви.

Посмотрим же, как отнеслась церковь к декрету Советской власти „об отделении церкви от государства и школы от церкви“... Как реагировало православное духовенство на проводимую в этой законодательной мере Р.-К. Правительства свободу совести и невмешательства государства в церковные дела?

VI. Октябрьская революция и церковь.

К декрету об отделении церкви от государства и школы от церкви, духовенство отнеслось резко отрицательно. Почему? Ведь этот декрет не запрещал существования церковной организации. Наоборот, согласно ст. 3 этого декрета, „каждый гражданин может исповедывать любую религию, или не исповедывать никакой“, а стало-быть — говорится в ст. 5 этого-же декрета — „свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается, поскольку они не нарушают общественного порядка и не сопровождаются посягательством на право граждан и Советской республики“... Эгим сказано все, и бояться того, что Октябрьская революция могла насилием уничтожить церковную организацию. духовенство, конечно, не могло. Вся собака зарыта здесь в том, что — с отделением церкви от государства и школы от церкви, — духовенство теряло свои богатства и доходы, лишилось права получать денежные и иные субсидии от государственной власти.

К изданию декрета церковь имела громаднейшие богатства. „Церковной земли насчитывалось до одного миллиона шести сот тысяч десятин; монастырям принадлежало 739 тысяч десятин“ (Лукин). По другим сведениям, „в 1905 г. у церквей было 1.872.000 дес., у монастырей — 740.000 десятин“... Так, например, „шесть богатейших монастырей имели 182.000 дес. Соловецкий монастырь имел 66 тыс. десят., Саров-

ская пустынь—25 тысяч, Александро Невская Лавра 25 тысяч и т. д.“... Кроме того, церковь обладала колоссальным количеством другого имущества—домов и др. доходных владений.— „В Петербурге в 1903 г. церквам и монастырям принадлежало 266 доходных владений в виде домов, лавок, земель под постройками и т. д. В Москве было 1054 доходных дома, не считая 32 гостиниц. В Киеве церквам принадлежало 114 домов“... Не бедна была церковь и деньгами. Ежегодно „через Синод и другими путями Царское правительство отпускало церкви 50 милл. руб.“ (стоимость рубля довоенная. И. Б.)...

У одного Синода „хранилось в банках до 70 миллионов рублей“... В тех же довоенных рублях „Петропавловский митрополит получал жалованья 300.000 р. в год, Московский и Киевский—по 100.000 р., Новгородский архиепископ—310.000 р.“. И, несмотря на то, что население России включало в себя разные народности с разными верованиями, деньги, расходуемые на церковь, выплачивались всеми... „По религиям население России распадалось так: на каждые 100 человек: католиков 9, магометан 11, протестантов 5, иудеев 4, прочих 1“... И вот, благодаря тому, что господствующей была православная церковь, все остальные верования, „неправославные“, выжигались каленым железом. Денег на это цари не жалели. Штаты попов не сокращались, а увеличивались. Армия духовенства к 1909 году достигла следующих размеров:

При 52.869 церквях России состояло:

протоиереев	2.912
священников	46 730
диаконов	14.670
псаломщиков	43.518

При 455 монастырях мужских:

монахов	9.987
послушников	9.582

При 418 монастырях женских:

монахинь	14.008
послушниц	46.811

Итого белого и черного духовенства
в России 182.218 (, Азб. Ком.“).

Из этих цифр видно, что немало тратилось народных денежек на всю эту многочисленную свору православных церковников. И ясно, что Советский декрет, помимо отказа попам от всякой материальной и моральной поддержки, в п. 13 заявивший, что „все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ об'являются народным достоянием“, был не понутру отцам церкви. И, несмотря на то, что, согласно тому же декрету—здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ“, а стало быть и возможность молиться и веровать была сохранена полностью,—духовенство все же выступило против Советской власти и декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви.

И православная церковь, лишенная своих богатств и доходов, оставшаяся, казалось-бы—на чисто христианском бытии—организацией частной и свободно исповедующей свою веру, выступила активно против рабоче-крестьянской Октябрьской революции.

„Заволновались торговцы таинствами и чудесами; стали устраивать митинги по церквам с призывом прихожан стать на защиту православной веры. на которую большевики, якобы, устраивают гонения: назначались крестные ходы, молебствия, всенародные посты и покаяния“ и т. д.

Князья церкви собирают собор (в янв. 1918 г.) и подтверждают на нем послание „смиренного“ Тихона, написанное им к верующим 19 января, в котором декрет об отделении церкви от государства об‘является „сатанинским замыслом“...

В деревнях это послание было с радостью подхвачено приходским духовенством, и на основании его велась самая неприкрытая контр-революционная работа против Сов. Правительства.

Был, например, такой случай (а их и не пересчитаешь) в Свято-Духовском приходе Воскресенской вол., Шенкурского уезда, Архангельской губернии: получив декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви, согласно которому нужно было произвести опись церковного имущества и ряд других мероприятий местного характера, свящ. от. Василий вместе с его „верноподданным“ другом—учительницей Мартемьяновой, собирает собрание верующих. Собрание было устроено в Юхневской ц.-прих. школе—и он, об‘являя декрет, говорит, что „иконы из школы теперь нужно убирать, закона Божьего преподавать большевики не дают, церковь православную поругали и осквернили“, а поэтому „как вам будет угодно, миряне, так и делайте“... Зашевелились „миряне“ от демагогической речи попа, заерзали по скамейкам и решили—„декрет об отделении церкви от государства порвать и не проводить“... Тут-же, на подобие диких зверей, набросились они на исполкомскую бумажку с копией декрета и с криком: „вот тебе, сатанинское отродье“—изорвали ее на мелкие кусочки. А поп стоит да ухмыляется. Не отстает от него и „верноподданная“ учительница...

Но этой дикой злобы было далеко недостаточно, чтобы и на самом деле уничтожить великий акт Октябрьской революции.

Духовенство знало, что „осуществить свои вожделения оно может только в том случае, если будет свергнута Советская власть“... А свергнуть ее одними проклятиями нельзя. Хотя в своих самодержавных манифестах Тихон и заявлял, что отныне церковь запрещает большевикам „приступать к тайнам Христовым“ и „анафематствует коммунистов“, и запрещает верующим „вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение“.

Все же и этого еще далеко недостаточно для свержения Сов. власти... Слишком уж привычны казались нам все эти „проклятия“ и „заклинания“. Из истории мы знаем, что и Степан Разин и даже Лев Толстой были отлучены от церкви и преданы анафеме, но из этого еще не следует, что значение исторического Разинского похода на царских тираннов от поповских проклятий хоть сколько-нибудь уменьшилось. Даже сам „православный народ“ увековечил имена своих „крамольных героев“ в бессмертных памятниках своего эпоса.

Поэтому борясь с Советской властью церковь решила не только одними воззваниями и проклятиями.

В лице Тихона она призывала „встать на защиту оскорбляемой и ныне угнетаемой святой матери нашей—церкви“... Практически Тихон советует „немедленно устроить духовные союзы и... доброю волею становиться в ряды духовных борцов“...

Но и „рядов духовных борцов“ недостаточно. Нужна была наиболее реальная сила, и такой силой, по выражению И. В. Богошого, явился „союз креста и плети“.... Помещики и капиталисты, золотопогонное офицерство, плюс „духовные ряды“—вот этот союз. Дутовы и Каледины, Алексеевы и Корниловы с их контр-революционными полчищами встретили в лице „отцов духовных“ верных своих соратников.

„Вся эта черная рать об'единяется теперь с духовенством против общего врага—крестьян и рабочих и их правительства“—говорит Н. М. Лукин.

История сибирской контр-революции, украинской Скоропадщины и бесчисленного множества внутренних восстаний всегда начиналась и кончалась при деятельном участии духовенства, которое доходило до того, что само организовывало воинские части (полки Иисуса у Колчака) и с хоругвями шло против совет. войск. А во время Ярославского восстания местное духовенство с колоколен собственоручно расстреливало из пулеметов рабочие части, где немало погибло и детей.

В Сибири духовенство начинало (в 1918 г.) свою погромническую деятельность против Октябрьской революции, как и полагается профессиональным реакционерам, с агитационных воззваний к верующим, в которых они так описывали Советскую власть и коммунистов: „захватившие в конце 1917 г. в свои руки верховную власть в России коммунисты-большевики принялись подвергать уничтожению не только интеллигенцию и культурные ценности гражданские, но также они преследуют все религии с их представителями и уничтожают памятники религиозных культов. Разгромлены храмы Московского Кремля, Ярославля, Симферополя, многие осквернены. Расхищены исторические ризницы и библиотеки. Убиты: Киевский митрополит Владимир, около 20 епископов и многие сотни священников. Перед убийством отрезают жертвам оконечности тела, колют, иных зарывают живыми в землю. Расстреливают крестные ходы. Где власть большевиков, там гонение на христианскую церковь, которое по жестокости превосходит гонение первых веков. Насилуют монахинь, социализируют женщин, полная разнуданность страстей“. (Из И. Богоного, „Церк. Рев.“).

„Вот образец той христианской демагогии, которая по своей лживости и дикости доходит до полного безумия, в надежде пробудить этим „спящее воинство Христово“.

В конце возвания сибирские попы просят у православных реальной помощи, т. е. активного выступления против Совет. власти. Дело доходило до того, что сибирские попы образовывали свои проповеднические отряды и раз'езжали по Колчаковским и другим контр-революц. войскам для агитации в пользу царских генералов.

Аналогичное участие духовенство принимало и на Украине.

— После занятия немцами Украины гетман Скоропадский пишет главе Украинской церкви, митрополиту Антонию: „Ваше высокопреосвященство, владыка Антоний. Осведомившись о пожелании всеукраинского церковного собора и приняв во внимание вашу преданность настоящему государственному строю на Украине, засвидетельствованную в письме вашем ко мне, извещаю вас, что с 25 сего июня, как глава державы украинской, признаю вас митрополитом Киевским и Галицким. Ожидая молитв ваших, остаюсь глубоко вас уважающий и благосклонный Павло Скоропадский (Из И. Богошого).

И Антоний был к услугам Скоропадского Но когда Скоропадского сменил немецкий фельдмаршал Эйхгорн—один из профессиональных палачей рабочего класса, епископ Антоний, недолго думая, пресмыкается и перед этим „верховным правителем Украины“.

Итак, от генерала к генералу, от контр-революционера к контр-революционеру—переходит духовенство, только-бы опереться на „реальную силу“ и свергнуть „диавольскую власть коммунистов“.

Но эта власть держится крепко, ибо она опирается на действительную (а не поповскую) реальную силу.

И духовенство, теряя почву под своими ногами, переносит свою агитацию за границу. Авось хоть там-то поймут бедного; „зарезанного русскими большевиками“ православного попа.

Мы знаем, что часть православного духовенства после Октябрьской революции, в компании прочих контр-революционеров, эмигрировала за границу, откуда и „вела поход против Советской России“.

Эта борьба выражалась в созыве различных съездов и в создании пропагандистских групп для воспитания русских юношей „в национальном духе“. Но, так как эти юноши „заражены лжеучением социализма“, то борьбу эту они начинали с рекомендации „терпения ниспосланного Богом креста скорбей, как естественных последствий ложных идей социализма“... Но так как и „терпение“ многое сделать неспособно, то они направляют свою деятельность „на духовное лечение“ армии Врангеля, которая только под „влиянием церкви возродится“ и будет способна „свергнуть большевиков“.

Уже поистине изумительное сходство этой поповской катафасии с расстройством моськи перед силой и невозмутимостью слона.

И хотя.. „издревле спасалась русская земля верою, молитвами святителей и подвижников, трудами царственных помазанников Божиих“..., хотя и восклицали они свое: „да вернется всероссийский престол помазанника сильного любовью народа, законного православного царя из дома Романовых“, но все же русский „верноподданный народ“ не слушал духовных изуверов и гордо шел к своим победам под красными знаменами коммунистической партии и Советской власти.

Наступает голодный 1921 год. Двадцать миллионов людей осталось без куска хлеба. Сотни тысяч умирают от голода. Целые губернии опустошены и превращены в мертвые пустыни. Советская власть напрягает героические усилия к тому, чтобы спасти умирающих.

Как-же отнеслась к этому Православная церковь? Как отнеслась она к голодающим детям и матерям, к ужасным мукам живых мертвцев? Как-же, как отнеслась она к ним и протянула ли она руку братской помощи голодающим? Согласилась ли она на из'ятие церковных ценностей?

Князья церкви во главе с Тихоном, выступили против оказания помощи—они выпустили десятки воззваний против из'ятия церковных ценностей. Они категорически отказались помочь Советской власти спасти от голодной смерти дошедших до людоедства людей.

Они подняли целую бурю, доходящую до прямых физических столкновений с представителями власти, отказываясь сдавать церковные ценности.

В Смоленске, в Шуйске, в Москве и в целом ряде других городов дело дошло чуть-ли не до вооруженных столкновений и все на почве сдачи церковных ценностей.

И когда дело дошло до судебных процессов, когда контр-революционных зажигателей призвали к порядку и посадили на скамью подсудимых, когда часть из них должна была из судебных зал перейти в тюремные камеры,—тогда задумались наиболее сознательные церковники, зашевелились, и сотни обращений местного духовенства с призывом *сдавать церковные ценности*, известили, что в церковном мире единства нет, что там назревают серьезные события, что среди духовенства неизбежен раскол. Но о самом расколе в следующей главе.

Так отнеслась русская православная церковь к Октябрьской революции. Да иначе отнестись она и не могла. Знали попы, что не всякая власть подходит под формулу Павла: „несть бо власть, аще не от Бога“.

Трудящиеся воочию увидели, что не христианский дух живет в церкви, а дух барышника—ростовщика. История говорит нам, что церковь блестяще справлялась с этой ролью, попутно помогая царям угнетать многомиллионный народ.

Только Октябрьская революция рассеяла кошмарный туман церковного засилья и разбила вдребезги вековые цепи духовного безличия людей.

VII. Раскол и „Живая Церковь“.

Если верхи православной церкви вели неутомимо свою контр-революционную работу против Советской власти, то далеко не всегда встречали они единодушную поддержку со стороны своих „низов“, настроенных временами лояльно по отношению к „новым порядкам“. И особенно политика церковных низов стала изменяться в 1921 г., после того, как мы встретились с поволжским неурожаем, в ликвидации которого церковные верхи проявили такую людоедскую политику. Помимо этого, священники т. н. „мелкого ранга“, будучи занятыми своими материальными заботами, должны были, в силу необходимости, относиться „вполне равнодушно к деятельности своих главнокомандующих“... *) Еще до Московского судебного процесса чувствовалось, что среди духовенства не все ладно, что оно накануне больших событий... И это было верно. Спустя несколько дней после Московского процесса, группа священников—,прогрес-

*) А. Иркутов, Гом. „Известия“, Г. К. Р. К. П. № 29.

систов“ опубликовала в центральных газетах свое письмо, в котором „говорилось, что политика „церковных верхов“ и Тихона—политика борьбы против рабочих и крестьян, политика крови“ (И. Боговой, Ц. Р.). Что говорили „прогрессисты“ в своем письме? Самое главное их требование заключалось в том, чтобы церковь была перестроена на новых началах; они требовали церковного суда на Тихоном и созыва поместного собора. Через несколько дней, после специальной беседы с Тихоном, эта группа заставила его отказаться от церковного „престола“. Таким образом организовалось высшее церковное управление, в состав которого вошли: епископы Антонин и Леонид, священники Введенский, Калиновский, Красницкий и др. И уже „20 мая ВЦУ приняло все синодальные и епархиальные дела“...

Из деятельности первых недель ВЦУ следует отметить следующее: организация юридической комиссии для расследования, много нашумевшего в Москве, дела архимандрита Сергия (привлеченного к суду одной из его многочисленных любовниц), подготовка к созыву поместного собора, подготовка к обследованию всех монастырей. Между прочим, деятели ВЦУ держатся того мнения, что все, до сих пор неликвидированные, городские монастыри необходимо передать Наркомсобезу для учреждений социального обеспечения. Духовенство, бывшее на Карловицком (за границей) съезде, лишено священнического сана. На одном из.... заседаний ВЦУ постановило „уволить на покой Петроградского контрреволюционера, митрополита Вениамина, который обвиняется в призывае „силою оружия свергнуть Советскую власть и в противодействии изъятию церковных ценностей“...

Начало раскола совершилось. Спрашивается: как же отнеслось к нему местное духовенство? Из много-

численных делегаций духовенства с мест видно, что на местах к „церковному перевороту“ относятся сочувственно. Подобные „перевороты“ уже совершились „в Чувашской области, Харькове, Воронеже, Орле, Ростове-на Дону, Пензе и в других городах республики“...

Новую церковь „прогрессисты“ именуют „Живой Церковью“, и в основе своих требований они стремятся к „первоначальному христианству“.

В журнале №№ 4—5 „Живая Церковь“ архиепископы Серафим и Евдоким и митрополит Сергий так обясняют свое присоединение к „Живой Церкви“:

— Мы, Сергий — митрополит Владимирский и Шуйский, Евдоким — архиепископ Нижегородский и Арзамасский и Серафим — архиепископ Костромской и Галичский, рассмотрев платформу Временного Церковного Управления и каноническую законность Управления, заявляем, что целиком разделяем мероприятия Временного Церковного Управления, считаем его единственной, канонически законной верховной церковной властью и все распоряжения, исходящие от него, считаем вполне законными и обязательными. Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов церкви, как вверенных нам, так и других епархий“... (подписи).

В том же духе приблизительно пишет и все остальное, сочувствуя „Живой Церкви“, духовенство из разных концов матушки России.

Многие из них, бичуя старую „фарисейскую церковь“, предостерегают ВЦУ от деятельности „агентов Тихона“. В том же журнале один „иерей из провинции“ так пишет: „Не должно быть места в Живой Церкви „Святейшим“, каким был Тихон, и, подобно ему, другим святым иерархам. Строго следите за приверженцами низложенного патриарха, чтобы

они снова, пойдя к вам на помощь, как смиренные овцы, не закрепостили Живую свободную Церковь. При первой возможности удаляйте их из ограды Живой Церкви“.

Как и всякая новая организация, „Живая Церковь“ имеет свой устав. Я позволю себе привести здесь его полностью (Устав напечатан в упом. мною №№ 4—5 „Ж. Ц.“).

1. Группа православного белого духовенства „Живая Церковь“ имеет целью обеспечение православному приходскому духовенству свободы в исполнении пастырского долга и освобождение от зависимости от экономически господствующих элементов общества.

2. Для достижения этой цели группа „Ж. Ц.“ путем организованного выступления на предстоящем *соборе* имеет добиться следующих прав белому духовенству: а) права на, занятие епископских кафедр; б) права участвовать в решении дел Высшего Церковного Управления и Епархиальных Управлений вместе с епископами; в) права распоряжения церковными суммами, об'единенными в *единую церковную епархиальную кассу*; г) права организации в союз белого приходского духовенства для дальнейшего осуществления своих прав.

3. Членами группы „Ж. Ц.“ могут быть православные епископы, пресвитеры, диаконы и псаломщики, признающие справедливость Российской Социальной революции и мирового об'единения трудящихся для защиты прав трудящегося и эксплуатируемого человека.

4. Группа „Ж. Ц.“ состоит из лиц, подписавших настоящий Устав и вновь вступивших по рекомендации двух членов.

5. В губернских и уездных городах должны быть организованы отделения группы на тех же основаниях, как в Москве.

6. Как центральная группа, а равно и отделения начинают свою деятельность при наличии *трех* членов православного духовенства, признающих вышеуказанные задачи, и прекращают ее, когда их количество станет меньше указанного числа.

7. Местные отделения группы немедленно по своем образовании входят в связь с Центральным Комитетом.

8. Во всех случаях нарушения прав своих членов группа берет на себя их защиту.

9. Каждый член группы *обязан безусловно подчиняться* требованиям групповой братской дисциплины.

10. Средства группы составляются: из дохода от продажи журнала „Ж. Ц.“ и других повременных и неповременных печатных изданий; от общественных устраиваемых группой или ее отделениями публичных диспутов, дискуссий, лекций, духовных концертов и т. д., из церковных сборов, специальных пощертований, из процентных отчислений в центральную кассу местных отделений.

11. Как центральная группа, так равно ее отделения руководятся в своих действиях общими правилами об обществах и собраниях.

12. Устав этот может быть изменяем и дополнен по решению двух третей членов, живущих в данном городе, с утверждения епархиального или центр. комитета.

13. Группа имеет свою печать с изображением голубя с сиянием и со своим наименованием.

14. Все собрания группы „Ж. Ц.“ начинаются пением стихиры „Днесь благодать Святого Духа нас собра...“ и оканчиваются пением кондака Успения Богородицы: „В молитвах пресвятую Богородицу“...

К чему стремится „Живая Церковь“? Ее теоретические вдохновители говорят, что она стремится

к первоначальному христианству, к возрождению приходской общин, к упрощению и т. д.

Но мы выше видели, что это далеко не верно. Совсем не в том заключалась суть первоначального христианства, чтобы превратить свою бунтарскую проповедь против богатых в мирное богослужение в светлых и золоченых рамках. Первоначальное христианство проникнуто духом братской солидарности, простотой отношений, без особых начальнических каст, как обязательного правила в общинной жизни.

„Идеалистичный“ Вл. Львов в № 4—5 „Ж. Ц.“ смело сравнивает коммунистические идеалы с христианскими. Он говорит: „Идеал интернационально-христианский идеал. Идеал социализма—христианский идеал. Все они почерпнули свое воодушевление социальной справедливостью из одного источника—идеала христианского“.

Протоиерей Красницкий в том-же журнале также находит, что „наша церковная революция восстанавливает коренные законы церковные, нарушенные монархическим и капиталистическим строем общества. И в этом—говорит он—ее жизненность, в этом ее сила, и в этом ее сила, и в этом ее надежда на успех не только в русском национальном, но и мировом международном масштабе“...

Подобные слова и впрямь могут „очаровать“ читателя, привыкшего думать что „никто не даст нам избавления—ни бои, ни царь и ни герой; добьемся мы освобождения своею собственной рукой“...

Но зрелый читатель сразу-же спросит: ну, раз идеал христианский—источник всех идеалов, и раз вы признаете социальную революцию и „раб. крест. правительство“, то не лучше ли и вам быть коммунистами?..“ Но вот в том-то и дело, что между религией и коммунизмом так же мало общего, как и между капитализмом и социализмом.

Но об этом мы скажем в заключительной главе.

Как-же отнеслись к движению „Живой Церкви“ заграничные русские попы? А отнеслись они не весьма дружелюбно, о чем и знакомит сейчас монархическая газета „Новое Время“ *).

Слушайте!

— 1, 2 и 3 сентября в Карловицах происходили совещания всех находящихся за границей архиереев, управляющих русскими православными общинами за границей и членов Высшего Церковного Управления.

Собор архиереев был созван председателем В. Ц. У., митрополитом Антонием, в связи с полученным два месяца тому назад указом св. патриарха Тихона и Св. Синода Российской православной церкви касательно В. Ц. У. за-границей. Собор этот было предположено созвать тотчас-же по получении указа, но он был отложен до настоящего времени вследствие болезни управляющего русскими прав. церквами митрополита Евлогия, уезжавшего для лечения на месячный срок в Киссинген, и в виду отсутствия находящегося на лечении св. патриарха Сербского, благословение которого требовалось на созыв собора. На собор собрались все архиереи, числом 12. На окончательном совещании, без участия мирян и пресвитеров, Архиерейский Собор, выражая полную покорность и сыновнее послушание патриарху Тихону (курсив мой. И.Б.), постановил: *во исполнение приказа существующие В. Ц. У. упразднить и в виду нарушенной деятельности всероссийской церковной власти, на основании указа св патриарха (1910 г.) об орден. В. Ц. У. при дезорганизации деятельности В. Ц. У., образовать в целях преемства церковной власти—Временный Архиерейский Синод, назначив созыв нового Всеизданичного Русского Церковного со-*

*) 8—9/IX, №№ 410—411, Белград.

бора — для окончательной организации церковной власти за границей на 21 ноября, 1922 г. Место собора еще не установлено" (курсив мой. И. Б.).

Выбранными в „св. Синод“ оказались: митрополиты Антоний и Евлогий, архиепископ Полтавский Феофан, епископы Гавриил и Герман (управ. рус. православн общинами в Греции). Председателем Синода "является старейший иерарх митрополит Антоний", заместителем первым — митрополит Евлогий, заместителем вторым — архиепископ Феофан.

А вот и „подлинное“ постановление вышеупомянутого собора заграничных белогвардейцев в рясах. Вынесено оно 20 августа — 2 сентября 22 г. в тех же Карловицах.

— „Заслушав указ Его Святейшества, святейшего (масло масляное! И. Б.) патриарха Московского и и всея России, и Священного Синода Российской православной церкви на имя председателя В. Р. Ц. У. за границей преосвященного Антония, митрополита Киевского и Галицкого, от 22 апреля — 5 мая 1922 г. за № 348, касательно В. Р. Ц. У. за границей и обсудив его в связи с состоявшимся по сему определением В. Р. Ц. У. за границей, от 19 августа — 1 сентября с. г., Архиерейский собор Русских православных архиереев за границей, в составе преосвященных митрополитов Киевского и Галицкого Антония; — Управляющего русскими православными общинами в королевстве С. Х. С. и западно-европейских русских православных заграничных церквей Евлогия; преосвященных архиепископов: Кишеневского и Хотинского Анастасия — управляющего русскими прав. общинами Константинопольского округа, — и Полтавского и Переяславского Феофана; преосвященных епископов: Черноморского и Новороссийского — Сергия, Курского и Обоянского — Феофана, Челябинского и Троицкого — Гавриила, б. Екатеринославского и Новомосковского —

Гермогена;—управляющего русс. прав. общ. в Греции, Александровского--Михаила, Царицынского--Дамиана, Севастопольского и Русской армии (какой армии? И. Б.)—Вениамина и Лубенского—Серафима—управляющего русск. прав. общин. в Болгарии, под председательством старейшего из иерархов преосвященного митрополита Антония, выражая полную покорность и сыновнее послушание“... и т. д. и т. п.—постановили (подробное изложение уже приведено нами выше. См. об упразднении за гран. Р. Ц. У)... Все это, казалось бы, и не относится к „Церковной Рев.“ в России, но это только так кажется; на самом-же деле это далеко не так. Заграничные церковные белогвардейцы перестраивают свои ряды. Они...

— От тоски бессилья
Опустили крылья!..

• • • • •
Но... С верой в сердце ясной,
Сбросив страх напрасный,
Мы к тебе, Россия, в час зари дойдем.

В тех же номерах „Н. В.“ русские монархисты пишут, что нынешняя церковная революция в России является не чем иным, как продолжением „сатанинской работы большевиков“. Что никакой революции не надо, ибо и без этого „к церкви все больше и больше возвращаются с пламенною верою и любовью ее растерянные было и заблудившиеся чада“... Они взволнованы событиями в церкви сильно и требуют об этом подумать незамедлительно, ответить ясно, работать всячому, кто осеняет себя православным крестом“...

Но, несмотря на слюнявую злобу Тихоновской церкви, „Живая Церковь“ несомненно группирует вокруг себя подавляющее большинство православного духовенства. Она перестраивает церковную органи-

зацию применительно к условиям „созданным социальной революцией“, но перестраиваются и тихоновцы; те и другие сменяют свои старые церковные вехи: одни влево, другие вправо. И вот поэтому-то церковный вопрос в последнее время и привлек к себе такое сильное внимание всего общества. О нем говорят все. Одни с удивлением, другие с тревогой в душе о судьбе „матери нашей—церкви“...

Естественно, что, наряду с вопросом о церковных событиях, выплывает и другой вопрос, примерно такого содержания: а как-же к „церковной революции“ относятся и должны относиться коммунисты?

Т. Троцкий, в № 210 „Правды“, так характеризует церковные события: „она (церковь) оборонялась от истории жесткой неподвижностью форм, автоматической обрядностью и государственной силой. Сама она пред царским государством склонялась нижайше—и почти неизменно продержалась на несколько лет больше своего самодержавного союзника и покровителя. Но очередь дошла и до нее. *Обновленческое, сменоверховское направление в церкви есть запоздалая попытка бюрократизированной заранее буржуазной реформации под покровом приспособления к советскому государству* (курсив мой. И. Б.). Политическая революция наша совершилась—да и то против воли буржуазии—всего за несколько месяцев до революции рабочего класса. Реформация церкви открылась лишь через четыре года после пролетарского переворота. Если „Ж. Ц.“ освящает социальную революцию, то это только в поисках покровительственной окраски. *Пролетарской церкви не может быть* (курсив мой. И. Б.). Церковная реформация преследует по существу буржуазные цели: освобождение церкви от средневековой сословной громоздкости, замену мимического ритуала и шаманства более индивидуализированным отношением к

небесным чинам, словом, придание религии и церкви большей гибкости и приспособляемости. В первые четыре года церковь ограждала себя от пролетарской революции угрюмым оборонительным консерватизмом. Теперь она переходит на нэп. *Если Советский нэп есть сочетание социалистического хозяйства с капиталистическим, то нэп церковный есть буржуазная прививка к феодальному стволу* (курсив мой. И. Б.). Признание диктатуры трудящихся диктуется, как сказано, законом мимичности“...

Отсюда ясно, что к „церковному перевороту“ мы относимся только, как к одной из очередных реформ, посредством которой наиболее культурное духовенство пытается спасти от окончательного развала церковь вообще. А то, что „религиозные устои“ сильно расшатались—факт неопровергимый. И напрасно белогвардейцы бросают свои молнии в церковных возрожденцев, напрасно они обвиняют прогрессивное духовенство в соглашении с советской властью. Никакое соглашение между церковью и властью, отделившей эту самую церковь от государства на принципах коммунистической партии, и между коммунизмом и религией, в какой бы цвет она ни наряжалась,— ничего общего нет и не может быть.

С религией, как с историческим пережитком, мы вели, ведем и будем вести усиленную идеологическую борьбу.

В п. 13 коммунистической программы так и сказано: „по отношению к религии Р.К.П. не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви, т. е. мероприятиями, которые буржуазная демократия выставляет в своих программах, но нигде в мире не довела до конца благодаря многообразным фактическим связям капитала с религиозной пропагандой“... И „Р.К.П. руководствуется убеждением, что лишь осуществление

планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой полное отмирание религиозных предрассудков. Партия стремится к полному разрушению связи между эксплоататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду“.

И от этих наших основных принципов, резко разграничающих религию и коммунизм на два диаметрально-противоположных одно другому учения, мы отступить не можем, ибо коммунизм есть прежде всего научный метод миропонимания, наука в самом прямом смысле этого слова, а „когда наука делает шаг вперед—религия отступает два шага назад“.

Поэтому на вопрос: как мы относимся к „Живой Церкви“, которая—по последним сведениям,—опять раскололась на несколько групп*), мы отвечаем очень просто и кратко: *мы относимся к ней, как и ко всякой церкви и религии*, с которой мы будем вести упорную идеологическую борьбу, основанную на строго-научных данных. Мы будем доказывать, что богоискательство не к лицу социалистической эпохи, где господствует материальная (техническая, производственная и т. д.) сила над когда-то слепым и наивным человеческим духом. Сознание—только следствие бытия, ибо оно определяется материальными силами. Века идеализма, всегда пропитанного мистикой и верой в „потустороннюю жизнь“, скрылись за кулисами истории, по эту сторону которых ярким светом знания и науки горит воинственный дух человека—коммуниста, верящего в силу своего коллектива и строящего свой „небесный рай“ не в утренних и

*) См. в конце брошюры „приложение“.

вечерних молитвах, а в жестокой борьбе классов, имя которым — эксплоататоры и эксплоатируемые.

Человек долго спрашивал религию словами великого Гейне:

—На проклятые вопросы дай ответы нам прямые!... И в ответах религии он не нашел „ответов прямых“, а пустое небо и кровавую несправедливость земных богов, преступную деятельность которых прикрывала религиозная мантия и слишком тяготила гордый дух физически и умственно порабощенного пролетария.

Религия родилась в недрах первобытной эпохи, она придавала формы человеческому страху, вызванному непознанными силами природы, и религия умирает в эпоху наивысшего достижения человеческой культуры, когда природа не только познана посредством науки, но и пользуется всесильным человеком для своих человеческих потребностей.

Для Бога и веры в гордой человеческой голове места не осталось. Бог исчез. Осталась его оболочка — церковь, которая уже треснула от внутренней пустоты своей и колется по всем многочисленным своим щелям.

Антирелигиозная пропаганда должна окончательно уничтожить отвратительный „опиум религии“ и на его место возвести могущественное здание науки и знания.

И. Булатов.

Приложение.

„Живая Церковь“ и „Церковное Возрождение“.

Обновленческое движение в православной церкви уже раскололось на несколько групп, из которых самыми крупными являются три: старая реакционная православная (Тихоновская), группа „Живая Церковь“ с Красницким во главе и группа „Церковное Возрождение“, во главе которой стоит епископ (теперь митрополит) Антонин. Между этими группами идет ожесточенная борьба, проникающая даже в самые церкви, как это и случилось на-днях в Сретенском и Страстном монастырях.

В четверг, 7 сентября, в Сретенском монастыре совершал службу Антонин. Когда он стал в своей проповеди критиковать „Живую Церковь“, раздались возгласы: „Довольно, довольно“... Антонин сказал:

Кому неприятно слушать, тот может выйти и не мешать другим“. Как потом было обнаружено, эти возгласы произносились членами группы „Живая Церковь“.

Через три дня после этого, в воскресенье, 10-го сентября, в Страстном монастыре совершалась торжественная служба несколькими архиереями, в том числе и Антонином, по случаю рукоположения нового епископа Константина. Во время „вручения“ последнему „посоха“ Антонин произнес речь, в которой сильно критиковал „Живую Церковь“. Находившиеся в церкви слушали спокойно и внимательно. Когда же затем на кафедру взошел один из членов „Живой Церкви“, епископ Николай Федотов, и начал защищать „Живую Церковь“, то поднялся отчаянный

шум, крики, раздались угрозы, Федотов скрылся в алтаре; новопоставленный епископ упал в обморок, и его на руках внесли в алтарь, где долго отливали холодной водой под руководством врача. Епископ Николай и Красницкий потом около часа отсиживались в алтаре, ожидая, пока разойдется народ.

Такие же сильные трения между этими группами происходят и на деловых их собраниях.

Во вторник, 12 сентября, в Богоявленском монастыре (Никольская, 6), состоялось большое собрание, созванное по инициативе группы „Церковное Возрождение“, на котором присутствовали 169 человек из духовенства и около $2\frac{1}{2}$ тысяч мирян. Собрание происходило под руководством Антонина и председательством архимандрита Арсения Денисова. Антонин сообщил интересные сведения о движении, вызванном в провинции возникновением группы „Церковное Возрождение“. Первое официальное сообщение о присоединении к группе было получено из Рязани от тамошнего епископа Вениамина. Прибывшие оттуда прот. Покровский и мирянин Гиляревский сообщили, что тамошняя „Живая Церковь“ ликвидирована. На другой же день получена из Петрограда телеграмма о том, что и тамошняя „Живая Церковь“ также ликвидирована, и ее члены присоединились к группе „Церковное Возрождение“. Под этой телеграммой подписались: Петроградский епископ Николай, прот. Введенский, прот. Белков, священник Раевский и уполномоченный Высшего Церковного Управления прот. Гремячевский.

На следующий день явился делегат из Калуги и сообщил, что и там произошел церковный раскол: 33 духовных лица из 38, во главе с епископом Феофаном, отошли от Высшего Церковного Управления и образовали автокефальную церковь. Прибывшие из Тамбовской епархии делегаты сообщили, что и там образовался раскол с „Живой Церковью“.

Такие же вести получены из Пензы, Рославля (Смол. губ.) и от Таврического архиеп. Никодима. В Москву приехал из Костромы тамошний архиепископ Серафим и подал заявление о своем присоединении к группе „Церковное Возрождение“. Нижегородский архиепископ Евдоким также отмежевался от „Живой Церкви“.

Митрополит Сергий Владимирский подал заявление в Высшее Церковное Управление, в котором пишет: „Я решительно протестую против тех постановлений съезда „Живой Церкви“, которые приняты в отмену основных требований церковной дисциплины, а тем более вероучения. Некоторые из этих постановлений являются для меня недопустимыми безусловно; некоторые—превышающими компетенцию нашего поместного собора, а некоторые—неприемлемыми до этого собора. К первому разряду я отношу снятие отлучения с гр. Толстого (другими словами—с „толстовства“), отрицавшего божество Иисуса Христа, его рождение от Девы, воскресение плоти и др. (что все содержится в символе веры). Ко второму отношу разрешение священнослужителям—монахам вступать в брак и оставаться в сущем сане, не исключая и архиереев (6-й Вселен. Собор, 44-е правило и апостольское правило 25), разрешение священнослужителям вступать в брак после хиротонии (Апостольское правило 26-е, 6-й Всел. Собор, прав. 6-е), допущение к священнослужению второбрачных (Апостол. правило 17, правило Василия Великого 12-е) или женатых на вдовах (Апостол. прав. 18). Наконец, к 3-му разряду отношу постановление во епископы женатых без разлучения их с женами (6-й Всел. Собор, прав. 12). Так как нарушение указанных правил влечет за собой безусловное запрещение и даже извержение из сана, а сознательно участвующий в священнослужении с запрещенным или с извержен-

ным, или разрешающий такое священнослужение подпадает тому же, то: 1) нарушителям я не могу и не буду давать разрешение священником действовать в пределах моей епархии, 2) женатые епископы, впредь до решения дела на предстоящем соборе, не будут мною признаваться в их сане, а равно и рукоположенные ими, и 3) сам я вынужден буду прекратить церковное общение, как с нарушителями этих правил, так и с теми, кто будет разрешать такие нарушения“.

Сообщив эти сведения, епископ Антонин сказал:

— Будучи вполне солидарным со всем тем, что пишет в своем заявлении митрополит Сергий, я не могу больше со спокойной совестью сидеть в В. Ц. У. и иметь общение с теми, которые нарушили вышеуказанные церковные каноны. Я еще могу заставить себя сотрудничать с ними в одном общем административном деле, чтобы оно не развалилось, но быть в духовном молитвенном общении с ними я, по чистой совести, не могу. И это я испытал в первый раз в прошлое воскресенье в Страстном монастыре. Когда во время пения символа веры ко мне подошел руководитель „Живой Церкви“ прот. Красницкий и, следуя принятому обряду, сказал мне: „Христос посреди нас“, то вместо слов: „есть и будет“, я ответил ему: „между нами Христа нет“ и отказался поцеловать его.

— Правильно,—кричат слушатели.

— Между нами,—продолжал Антонин,—возможно пока одно только административное соприкоснение. Я сижу в В. Ц. У. для того только, чтобы соблюсти хоть худой мир, ибо худой мир лучше доброй ссоры. Кроме того, сидя в В. Ц. У., я все же хоть одним своим присутствием могу ослаблять стремительность „Живой Церкви“ и хоть несколько сдерживать ее в надлежащих рамках. Я получаю из разных концов России жалобы на нее, на ее уполномо-

ченных, которые своими угрозами (арестами и ссылками) вызывают сильное раздражение против нее. Особенно надо удержать ее от приведения в исполнение следующих резолюций ее съезда: 1) о женатом епископате, 2) о второбрачии духовенства, 3) о переходе монахов в белое духовенство и 4) о браке в близких степенях родства. Одним словом, надо заставить „Живую церковь“ спуститься на платформу „Церковного Возрождения“, и тогда у нас возможна будет согласная с ней деятельность.

Затем, обращаясь к мирянам, Антонин заявил, что теперь моя речь к друзьям мирянам. В том обращении к мирянам, которое группа „Живая Церковь“ намерена опубликовать, говорится, между прочим, следующее: „Группа Живая Церковь“ не искала и не ищет господства белого духовенства над верующим трудовым народом, она ищет духовной свободы своему народу“. Группа „Живая Церковь“, как узкая, профессионально-сословная группа белого духовенства, враждебна мирянам. Интересы белого духовенства особенно сильно сталкиваются с интересами мирян на почве единой церковной кассы. Как известно, в настоящее время духовенство не имеет юридических прав. Церковные здания и другие материальные блага принадлежат государству; их может взять в аренду только группа светских верующих людей, которые являются их хозяевами. „Живая Церковь“, желая избавиться от материальной зависимости от приходских советов, постановила просить Советскую власть уничтожить договоры с ними. У группы же „Церк. Возрождение“ мирянам честь и место. Здесь прислушиваются к голосу мирян. Здесь неприемлемы только такие миряне, которые являются врагами церковного обновления и друзьями контр-революции.

Потом епископ Антонин перешел к обсуждению практических вопросов по проведению в жизнь про-

граммы своей группы. Так как все пожелания Антонина и его группы остаются гласом волиющего в пустыне, потому что в В. Ц. У., состоящем из 15 членов, большинство в 11 человек приходится на долю группы „Живая Церковь“, то Антонин предложил собранию реорганизовать В. Ц. У. таким образом, чтобы восемь членов В. Ц. У. приходилось на долю „Церковного Возрождения“, а семь на долю „Живой Церкви“. Собрание одобрило это предложение.

Резолюции по всем этим вопросам были приняты почти единогласно. Но дальше разыгрался непредвиденный казус. Один из ораторов, протоиерей Стефанский, стал возражать Антонину и потребовал, чтобы Антонин пошел к патриарху Тихону за благословением на свои реформы. Это вызвало бурные одобрения, показавшие, что среди собравшихся было очень много реакционеров—тихоновцев. Собрание было закрыто.

Через два дня было созвано собрание только членов группы „Церковное Возрождение“ в Заиконоспасском монастыре. Собрались почти все 550 членов группы—110 духовных и 440 светских. Епископ Антонин заявил, что группа в своих резолюциях должна ясно и решительно отмежеваться не только от „Живой Церкви“, но и от патриарха Тихона. Собрание приняло 4 резолюции, в которых введены места, направленные против тихоновцев, и затем Антонин сообщил собранию следующее:

1) На Троицком подворье 3 сентября происходило первое собрание мирян, созванное группой „Живая церковь“. Было около ста человек, большинство которых, к ужасу „Живой Церкви“, требовало возвращения патриарха Тихона. Записалось в группу „Живая Церковь“ из числа этих мирян только 10 человек.

2) Епископ Николай Федотов подал в В. Ц. У. заявление о привлечении Антонина к суду за оскорбление группы „Живая Церковь“.

3) Группа „Живая Церковь“ решила овладеть Владимирской церковью у Никольских ворот для того, чтобы там, по выражению Антонина „поставить пушки словесные и из них громить Заиконоспасский монастырь“.

4) Среди группы „Живая церковь“ народилась уже 3-я группа, близкая к группе „Церковное Возрождение“, что показывает, что группа „Живая Церковь“ расслаивается.

5) Группа „Церковное Возрождение“ предполагает в недалеком будущем издавать свой журнал под названием „Церковное Возрождение“.

6) Чувствуя все большее и большее расхождение с членами группы „Живая Церковь“, епископ Антонин перестал в последнее время молиться с ними, даже во время общих заседаний в В. Ц. У. и в Московском Епархиальном Управлении.

В конце заседания, собрание, по предложению священ. Светинского и протоиерея Чинного, постановило реорганизовать в духе группы „Церковное Возрождение“ не только В. Ц. У., но и Московское Епархиальное Управление, для чего немедленно избрать из членов группы „Церковное Возрождение“ уполномоченных и поручить им по всем благочиниям г. Москвы и Московской епархии созвать собрания и выбрать на них кандидатов в Московское Епархиальное Управление.

Ив. Треубов.